Автор: Оргкомитет
11.04.2019 15:00

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено Оргкомитетом в Итоговом протоколе конкурса - 6 июня 2019 года.

Столетию Великой Революции посвящается

Весеннее.

Восемь миллиардов бактерий переселяются
с одних губ на другие при поцелуе,
и двести миллиардов - если поцелуй с языком.
Его восемь миллиардов уже заждались.
Уже сложили сумки, сидят на чемоданах не первый день,
а двести миллиардов почти потеряли надежду.
Но все-таки весна.
И все-таки вечер.
И все-таки музыка кружится в свежей листве.
И все-таки ее губы так близко.
- Ну давай, давай! -
кричит папа-бактерия,
отец большого семейства.
пока семья сидела на чемоданах, уже выросло три поколения бактерят,

а первые новорожденные бебики успели состарится.
А ведь ее губы и мягче и удобнее и шире,
хотя и слишком напомажены.
Впрочем, можно расположиться поближе к зубам,
думает хозяйственный папа-бактерия,
если только зубные бактерии не слишком агрессивны.
Наконец она целует его сама.
- Зачем тьыы меня поцеловааал? – спрашивает,
словно задыхаясь.
- Потому что я тебя люблю! - подсказывают правильный ответ
двести заждавшихся миллиардов.
Орут что есть мочи,
но он не слышит,
не слышит.
- Сам не знаю, так получилось! – отвечает.
- О боже! - говорит папа-бактерия. -
- Если бы я в молодости был таким тюхой,
мои три миллиарда детишек до сих пор бы не родились!
Но чу! она знает что делать.
- Ведь ты меня любишь? - спрашивают ее мягкие губы,
и ловушка-22 захлопывается.
Правильных вариантов ответа нет.
- Ну да, - мямлит он,
бактерии ликуют, и юный амур застёгивает еще один золотой замочек
и проглатывает ключ.

Журавли

Он живет в будущем.
Здесь он спит с нано-Светланой,
которая не умывается по утрам:
ее кожа самоочищается,
и в ее нано-карманах сами собой заводятся деньги.

Он живет в будущем.
Здесь, следующим писком моды
после драных джинсов
стали драные джинсы,
выпачканные в строительную пену.

Он живет в будущем.
Здесь, пока одни страны совершенствуют искусственный интеллект,
другие творят искусственную глупость,
достигая неизведанных глубин.

Это, впрочем, как всегда.

Пожалуй, он счастлив,
хотя коммунизм так и не наступил.
Помните? Коммунизм это когда утро красит что-то там нежным цветом.
И радостные фрезеровщики маршируют на родные заводы,
успев соскучиться за ночь по своим фрезеровочным станкам.
Главная цель их жизни –
отфрезеровать двести тридцать плашек,
или иных фигнюшек, за смену.
Все счастливы как утята,
и так прекрасно на свете жить.

А сейчас -
Впрочем, тоже встает солнце.
Радостные шопоголики маршируют к родным супермаркетам.
За ночь они успели соскучиться,
и т.д. и т.д. и т.д.
Главная цель их жизни –
купить двести тридцать каких-нибудь фигнюшек.
Все счастливы как утята,
и так прекрасно на свете жить.

И это, согласитесь, почти то же самое.

Он живет в будущем. Здесь мир ускоряется
и уже ускорился до трех или четырех g.
Порой ему тяжело дышать, но это приятная тяжесть.
Еще немного ускорения -
и мир сможет дальше лететь вперед
лишь в беспилотном варианте.
Но он не думает об этом.

Он не думает об этом.
Ведь если ты хочешь думать,
ты должен уставиться в пространство,
и тогда твоя челюсть слегка отвисает,
а лицо твое вытянуто –
вперед и по вертикали -
и глаза твои печально-непонимающие,
как у только что размороженной скумбрии,
потому что ты слушаешь тихий прибой
вселенского ужаса.

А сейчас, задумавшись,
он упирается взглядом в экран,

и тогда его челюсть слегка отвисает,
а лицо его вытянуто –
вперед и по вертикали -
и глаза его печально-непонимающие,
как у только что размороженной скумбрии,
и хлебниковские журавли
нежно расклевывают его мозг,
выкрашивая незаконченную мысль.

Но, согласитесь, это не то же самое.

Столетию Великой Революции посвящается

В сумасшедшем доме
хорошо в субботу.
Злые наши тетки
дернули с работы.
Ну, а санитаркам
все до фонаря.
Мы с палатой празднуем седьмое Мартобря.
Агафон Петрович,
поп из Запорожья,
громко, как с амвона,
сеет слово божье.
Гриша исполняет
матерный шансон.
Я пляшу лезгинку –
ну, не жизнь, а сон!
Только Коля Зудов,
нелюдимый мальчик
спрятавшись под койку,
масло ест из пачки.
Мы ему поможем,
вытащим на свет.
Надо ж, опоздали –
масла больше нет.
Древние бабули,
из палаты восемь,
вежливо как дуры
звук потише просят.
Худенький наш Проша,
что бледней сопли,
сразу раскраснелся:
девочки пришли!
Наш небуйный корпус,

для почти здоровых,
не оштукатурен
с девятьсот второго,
а кровати наши
списаны на лом,
вместе с автоклавом,
в шестьдесят втором.
Лечат здесь гипнозом,
Фрейдом и шаманством,
вмиг бы излечили,
если бы не пьянство,
но сегодня, впрочем,
мы немного пьем:
лишь из восхищения великим Мартобрем!
Проплясав лезгинку,
я сморю в окошко.
Я хочу на волю,
и хочу окрошку.
Что-то я печалюсь,
чесно слово зря:
нынче же столетие седьмого Мартобря!
Как дожить мечтали
прадеды и деды
до великой даты.
Сквозь тоску и беды
их мечта горела
солнцем на заре.
А я дожил, вот он я, - я в этом Мартобре!